Глава 36

Хэ Ся, заложив руки за спину, стоял на высоком уступе горы, глядя на восток. В сильном снегопаде, в тихой резиденции перед его глазами пряталась женщина по имени Пин Тин.

Пин Тин – его служанка на протяжении пятнадцати лет, его приятельница по играм и музыкальный критик. Та, кто сопровождала его, когда он читал, следила за его тренировками с мечами и хлопала в ладоши, подбадривая.

Кто мог легко отказаться от пятнадцати лет? От симпатичного маленького ребенка до воспитанной дамы Бай Пин Тин из резиденции герцога Цзин-Аня, также считавшейся одной из двух знаменитых игроков на цине в Гуй Лэ.

Она действительно была расцветшим в долинах цветком.

Так много мужчин засматривалось на нее, так много людей хвалили ее.

Он тихо защищал, лелеял и брал ее во множество разных мест, таких как поле боя. Он отвел ее посмотреть на кавалерию в доспехах и танцующие песчаные бури.

Она должна была принадлежать ему. На этих условиях она стала его.

Но он никогда не думал, что ему придется принудить ее остаться.

Его Пин Тин была фениксом с ярко окрашенными крыльями, который ждал, когда мужчина неукротимого духа возьмет ее за руку и с тех пор они станут едины.

Это было ее желанием, ее счастьем до конца времен.

Только Хэ Ся, а не Чу Бэй Цзе, должен был обладать самой большой частью сердца Пин Тин.

Тем не менее, тем, кто украл ее сердце, был Чу Бэй Цзе.

Это мог быть кто угодно, кроме Чу Бэй Цзе.

Как он мог позволить своей Бай Пин Тин остаться с Чу Бэй Цзе, его заклятым врагом? Как она могла смотреть ему в глаза, говорить с ним о жизни, петь для него и играть для него?

Он не мог принять этого. Его мягкость, когда он стерпел расставание с Бай Пин Тин, была обменена на кого-то столь дешевого, как Чу Бэй Цзе.

Он мог ощутить снежинки, летящие с ветром.

Небо почти потемнело. Сегодня уже было шестое.

– Мастер? – Дун Чжо подошел к вершине и остановился в десяти футах позади Хэ Ся.

– Дун Чжо, твой голос подавленный и грустный. – Голос Хэ Ся стал серьезным, когда он задал вопрос: – Как думаешь, Чу Бэй Цзе успеет назад вовремя?

– Нет.

– Ты расстроен, что Чу Бэй Цзе не сможет успеть вовремя.

Дун Чжо покачал головой, колеблясь. Он не торопился, прежде чем взглянуть вверх и сказать:

– Мастер, пожалуйста, прикажите нам атаковать. У резиденции очень мало возможностей для защиты, и с навыками мастера нетрудно будет схватить Пин Тин живой. Когда она вернется с нами, мы, естественно, сможем убедить ее передумать.

Хэ Ся не ответил. Его спина, освещенная заходящим на западе солнцем, казалась очень далекой.

– Мастер, вам не жаль ее, мы ведь выросли вместе? – У Дун Чжо было невыносимо грустное ощущение в груди, когда он смотрел на спину Хэ Ся. Он опустился на колени и ударился головой о землю, крикнув: – Мастер, вы знаете, что Чу Бэй Цзе не сможет вернуться, но все же заставили разрываться сердце Пин Тин от ожидания?

Темный свет вспыхнул в глубине черных, как вороново крыло глаз Хэ Ся, дернувшихся от боли, безжалостно всплывшей в них. Она быстро мелькнула в его глазах и исчезла.

– Этого мало, мне нужно, чтобы ее сердце разбилось, – в глазах Хэ Ся отразились маленькие огоньки резиденции, когда он стиснул зубы. – Мне нужно, чтобы она потеряла всякую надежду на Чу Бэй Цзе.

С наступлением ночи в резиденции стало еще тише.

Даже окраины кладбища не могли быть более тихими. Не было слышно даже тишайшего звука летящих в воздухе снежинок.

Все казалось для глаз иллюзией.

Словно сон. Когда кто-то коснется рукой и сон рассеется, оставив пустоту.

Пин Тин посмотрела на восток.

Время было безжалостным, постепенно ускользая из ее тонких пальцев.

Она долго смотрела туда, совсем не моргая, будто это была самая важная с рождения вещь в ее жизни.

Восток был тем местом, откуда должен был вернуться Чу Бэй Цзе. Она не могла видеть главную прямую дорогу на восток, потому что та была закрыта горными лесами, где Хэ Ся и его люди разбили лагерь. Пин Тин не беспокоилась. Они не могли остановить продвижение Чу Бэй Цзе.

Сегодня было шестое.

Луна уже взошла, но где был Чу Бэй Цзе?

Цзуй Цзюй молча открыла занавес. Она долго стояла за дверью, достаточно долго, чтобы ощутить, что шестое число было запечатлено в ее сердце.

Она подошла к Пин Тин, заглядывая в красивое и достойное, повернутое лицо в лунном свете. Это пронзило ее сердце, заставив на мгновение потерять равновесие.

– Мисс Бай…

Пин Тин повернулась к ней и улыбнулась. Хладнокровная улыбка была более душераздирающей, чем истерический плач.

Но было кое-что, что нужно было сказать сейчас.

Цзуй Цзюй уставилась на нее, не допуская ни малейших колебаний в глазах. Она ощутила, как холодный северный ветер охватил ее грудь. Он был достаточно холоден, чтобы заморозить все тело.

Она тщательно обдумала свои слова, прежде чем открыть рот.

– Из-за смерти двух принцев у императора сейчас нет наследника. Было бы хорошо, если бы какая-то из наложниц императора смогла родить принца, который смог бы занять престол.

Если нет, герцог однажды станет владеть Дун Линем.

Всего несколько фраз заставили грудь Цзуй Цзюй вздрогнуть, словно от страха, что ее собственная воля недостаточно сильна. Она не смела позволить своему взгляду дрогнуть и продолжала твердо смотреть на Пин Тин.

– Продолжай, – ответила Пин Тин легким голосом.

– Если нерожденный ребенок мисс – мальчик, он станет старшим сыном герцога.

– Цзуй Цзюй, – глаза Пин Тин, наконец, стали серьезными, когда они остановились на ее лице. – Что ты пытаешься сказать?

Цзуй Цзюй напряглась и на пару минут задумчиво склонила голову. Девушка резко прикусила губу, позволяя кровавому вкусу течь сквозь зубы и понизила голос:

– Мисс ясно понимает, что личность этого ребенка важна для Дун Линя. Хэ Ся – грозный человек, поэтому мисс ни за что не должна позволить плоти и крови герцога попасть в его руки. – Ее слова были прямыми, не оставляя места для несогласия. Она повернулась в сторону миски с подогретым лекарством на столе позади нее и поднесла ее Пин Тин.

Взгляд Пин Тин упал на мутную черную смесь, и ее первой реакцией было отступить на шаг назад.

– Мисс, ваш ребенок очень мал, и герцог еще не знает о нем. Вы и герцог еще молоды. – Цзуй Цзюй, неся лекарство, сделала еще один угрожающий шаг.

Зрение Пин Тин внезапно помутилось. Она прикрыла нижнюю часть живота, поспешно отступив на четыре-пять шагов, пока не коснулась стены. Когда ее позвоночник ударился о холодную стену, ей удалось успокоиться. Она чуть выпрямилась, посмотрела на лекарство и сказала:

– К концу шестого числа герцогу определенно удастся вернуться.

– А что если ему это не удастся?

Пин Тин заскрежетала зубами, подчеркивая каждый слог:

– Он обязательно вернется.

– Но что, если он действительно не сможет успеть назад ко времени? – Цзуй Цзюй ожесточила

свое сердце, оставаясь безжалостной.

Молчание было удушливым, подавляя все.

Пин Тин посмотрела на Цзуй Цзюй.

Ее ногти впились в ладони, не обращая внимания на боль.

В ее глазах больше не было легких волн. Они были больше похожи на текущую черную ртуть, постепенно превращающуюся в черные камни.

Ее глаза были сильными и решительными со слабыми проблесками света.

– Если он действительно не прибудет вовремя, – гордо выпрямила свою белую шею Пин Тин, – и луна пройдет половину неба, тогда я выпью его.

Цзуй Цзюй внимательно изучила Пин Тин и глубоко выдохнула.

Она поставила миску с лекарством на стол, опустилась на колени, три раза сильно ударив головой об пол. Затем она вышла за дверь, не говоря ни слова.

Затем лекарь, спотыкаясь, побрела в боковую комнату, упала на подушки на маленькой кровати и разрыдалась.

Чу Бэй Цзе все еще дико скакал во тьме. Холмы проносились мимо него, каждый из которых создавал иллюзию уединенной резиденции, которую все еще было отсюда не видно.

Он не смел представить, что увидит, когда приедет туда.

Открылись ли сливовые бутоны?

Был ли еще ярким тон циня?

Было ли там все в дыму?

Три тысячи семьсот солдат скакали позади него. Тысяча из его первоначальных элитных воинов были слишком истощены и вернулись в столицу, оставив две тысячи плюс тысячу семьсот солдат Чэнь Му.

Сотни лошадей.

Грохот копыт кавалерии был слышен за горами и реками.

Поводья уже окрасились в красный цвет от кровоточащих мозолей Чу Бэй Цзе.

Он ездил на лошадях с детства и скакал так быстро, как только мог, применяя каждую тактику, какую только мог. Шокирующим было то, что был кто-то, кто мог скакать даже быстрее него, кто, промчавшись сквозь отряд, достиг его плеч, столкнувшись лицом с тем же холодным ветром, и спросившим:

– Вы герцог Чжэнь-Бэй, Чу Бэй Цзе?

Чу Бэй Цзе не ответил, просто стиснул зубы и рванул вперед.

Он знал, что его свежий конь уже устал. Хотя он все еще скакал вперед, но значительно замедлился.

Он не мог отрицать, что стал медленнее. Это заставило его беспокоиться.

– Герцог Чу, пожалуйста, остановитесь на какое-то время. Я из Бей Мо, и у меня срочное письмо от генерала Бей Мо Цзэ Иня…

– Убирайся! – Прорычал Чу Бэй Цзе. Он должен был торопиться, торопиться, ни одна минута не могла быть потрачена впустую, и даже малейшая капля энергии не могла быть потрачена зря.

Этот человек тоже был раздражающе настойчивым. Возможно, это было потому, что он долго искал Чу Бэй Цзе, и он отказался оставить его. Он отчаянно следовал за ним, холодный ветер ворвался в его рот, когда он закричал:

– Генерал должен был срочно отправить письмо герцогу. Поскольку генерал волновался, что письмо не придет к тому времени, когда герцог покинет столицу, он написал два письма. Одно было тайно отправлено в императорский дворец, другое – мне. Меня попросили ждать вдоль дорог на окраинах.

– Убирайся! – Чу Бэй Цзе впился в него взглядом, но потом остановил свой взгляд на его коне.

– Герцог! – Было совершенно невероятно, что человек, который осмелился проникнуть в Дун Линь, чтобы доставить письмо Чу Бэй Цзе, боялся бы смерти. Он отказывался сдаваться, громко крикнув: – Пожалуйста, просто прочитайте письмо генерала Цзэ Иня о Бай Пин Тин… – но его слова были прерваны, когда его тело содрогнулось. Чу Бэй Цзе уже сменил лошадь в полете и схватил поводья. Его голос был серьезен.

– Одолжи мне свою лошадь.

Как и следовало ожидать от одного из лучших людей Цзэ Иня, его мастерство не было плохим. Хотя Чу Бэй Цзе внезапно оттолкнул его назад, он повернулся и подпрыгнул вверх, успешно избегая падения.

Одной рукой держась за лошадь, другой он потянулся в карман, и вынул, тщательно спрятанное, лично написанное Цзэ Инем письмо, быстро сказав:

– Тем, кто убил принцев, был Хэ Ся, а не Бай Пин Тин. Это письмо было лично написано моим генералом и может быть использовано в качестве доказательства невиновности Бай Пин Тин.

Выражение лица Чу Бэй Цзе осталось неизменным, но когда он взял его, то не глядя, небрежно отшвырнул.

– Ах! – Вскрикнул посланник, глядя, как письмо, которое он доставил с такими трудностями, исчезает в грохочущем потоке верховых солдат. Он уставился на него и сказал:

– Вы…

Глаза Чу Бэй Цзе были полны решимости, а тон – серьезным.

– Даже если ее тактика не было злой, она все еще моя Бай Пин Тин.

Затем он толкнул его, заставив посыльного спрыгнуть и благополучно скатиться на обочину.

У Чу Бэй Цзе появилась новая лошадь, которая скакала быстрее, удаляясь от войск позади.

Он обезумел от тоски, пронизанный беспокойством и адскими муками. Все вокруг должно остановится, пока он не обнимет эту тонкую фигурку.

Дорогая Пин Тин, Чу Бэй Цзе признаёт свою ошибку.

Умная Бай Пин Тин, глупая Бай Пин Тин, добрая Бай Пин Тин, злая Бай Пин Тин – все они были Бай Пин Тин, которую любил Чу Бэй Цзе.

Отныне и навсегда.

Луна взошла.

Во всех воспоминаниях Пин Тин она никогда не видела такого разбивающего сердце лунного света.

Она мягко светила миру, излучая один и тот же бледный свет независимо от их боли или грусти, погружая в большую депрессию.

«Давай поклянемся Луне, никогда не предавать друг друга».

Под той же луной, она была ласковой и прекрасной, а он был нежным, как вода.

«Да, отныне ты будешь моей герцогиней, а я буду твоим мужем».

«Нет».

«Я только... служанка для игры на цине».

«Мне нравится твоя игра на нем».

«Я недостаточно хороша для герцога».

«Я достаточно хорош для тебя».

«Я... я недостаточно красива».

«Я думаю, ты неплохо смотришься».

Эти слова звучали в ее ушах.

Ты помнишь, луна? На горе Дяньцин Бай Пин Тин дюйм за дюймом протянулась через гору национальной ненависти, сквозь пламя войны между армиями двух стран и благодарностью за пятнадцать лет заботы.

Она знала, что прошла сквозь пламя, и знала, что провела пятнадцать из каждых сезонов в

резиденции герцога Цзин-Аня.

Она знала, что и правда протянула руку и пересекла невероятную гору национальной ненависти.

Неужели не было места для чувств, скрытых за национальной гордостью?

Пин Тин перевела взгляд на луну на краю неба.

Жестокая луна постепенно ползла, пока почти не уселась на ветвях лесных деревьев.

Тем не менее, на востоке не было ни малейшего движения.

Небо постепенно давило, и земля казалась тихой, как смерть, или просто все, затаили дыхание.

Черное лекарство на маленьком столике рядом с ней уже остыло.

Яркая луна была бессердечной, как и тени. Она подняла голову и поняла, что луна отказывается остановиться. Понемногу она достигла верхушек деревьев.

Бесчисленные пятна крови остались от зубов на ее губах, и ее ладонь медленно потемнела от щипков ее пальцев.

Покалывание нарастало в ее глазах, постепенно нагреваясь, но она не позволила упасть ни единой капле слез. Она боялась, что если сейчас заплачет, ее кошмар станет реальностью.

Она стояла у окна, ее спина была прямой, будто позвоночник был сделан из меча. Она могла пока только прямо стоять. Казалось, что она больше не выдержит ни малейшего движения. Если это так, она рассыплется и будет сметена северным ветром, не оставив ни малейшего следа.

«С сегодняшнего дня ты не должна ни пренебрегать собой, ни вредить себе».

Она не могла забыть слов Чу Бэй Цзе и не могла забыть теплое чувство, которое нарастало в ее груди, когда смотрела в его глубокие глаза.

Зачем бояться ненависти страны, если была настоящая любовь?

Если бы это была настоящая, упрямая настойчивая любовь вместе с уважением, независимо от того, сотни или тысячи изгибов и поворотов, никто никогда не должен менять свое мнение.

В конце концов, что было важнее, чем смотреть на человека, которого любишь каждый день и ночь?

Время продолжало тихо течь.

Дорогая луна, прошу тебя, не разочаруй меня.

Только один раз, за всю мою жизнь, пожалуйста, не разочаруй меня!

Ее тонкие пальцы вцепились в ткань на ее груди.

И все же у луны не было ушей. Возможно, она слышала голос Пин Тин, но жестоко проигнорировала его.

С востока не звучало ни звука.

Отчаяние медленно затопило ее и проникло в ее когда-то сверкающие глаза.

Луна прошла половину неба.

Пин Тин посмотрела на нее, она была прямо над деревьями, сияя своим неослабевающим светом.

В тот момент она забыла, что было шестое число, забыла об окруживших их солдатах, забыла о Цзуй Цзюй, забыла о Хэ Ся и забыла свои клятвы.

Она забыла все.

Все было пусто, словно яма. Ее конечности казалось были на месте, но больше не держали ее.

Был только стук ее сердца, трескающегося, медленно и резко, кусочек за кусочком.

Как хрустальный лотос, чьи лепестки начали беспощадно обрывать, пока не осталось ни единого.

Разбитое.

Разбитое на множество кусочков.

– Мисс…

Пин Тин медленно повернулась, чтобы увидеть очень печальное выражение лица Цзуй Цзюй.

Ее взгляд упал на чашу с черным лекарством на столе.

Цзуй Цзюй не отводила взгляда от ее затуманенных глаз, когда подошла к Пин Тин, поднявшей миску. Казалось, что та весила тонну. Чаша в ее руках дрожала, вызывая сильную рябь на поверхности, выплескиваясь по краям и на верхнюю часть стола. Тишина в комнате сделала атмосферу еще более удушающей.

Ее сердце.

Нежность исчезла.

Радость ушла.

Только отчаяние и боль остались в ее глазах, неустанно бурля. Ее глаза были широко открыты, словно кто-то медленно извлекал ее сердце и печень.

Цзуй Цзюй знала, что она никогда не забудет выражение лица Пин Тин в тот момент.

Пин Тин поднесла лекарство к губам и остановилась, будто у нее больше не осталось сил. Холод коснулся ее губ. Ей напомнили об испытываемым ей огромном чувстве потери, заставляя ее задрожать, а руки ослабнуть.

Тресь!

Чаша разбилась на множество кусочков, а черное зелье разлилось по всему полу.

Горькие слезы, которые она так долго сдерживала, наконец, покатились, словно разбитые жемчужины, из ее потрясенных глаз.

Пин Тин упала на колени, сжимаясь в плотный шар. Болезненные спазмы бежали по ее телу, пока ее руки крепко цеплялись за собственные плечи.

С ее окровавленных губ рвались крики из глубин ее души, безутешно честные.

– Мисс Бай…

Цзуй Цзюй грустно погладила ее по голове, но это, казалось, шокировало Пин Тин еще больше. Она внезапно подняла голову, ее лицо было полно слез.

– Цзуй Цзюй, не заставляй меня. Пожалуйста, пожалуйста, не заставляй меня так! – Умоляла она.

У Цзуй Цзюй возникло чувство, чсловно ее укусила змея, и она была вынуждена коснуться руки Пин Тин.

Была ли эта женщина романтичной, радостной Бай Пин Тин?

Той женщиной, что могла несколько дней обходиться без еды и питья, неспешно читать на диване и спросившая ее:

«Ты чувствуешь запах снега?»

Это Бай Пин Тин?

Нет.

Эта романтичная, похожая на фею женщина была уничтожена.

Уничтожена Хэ Ся, уничтожена императором Дун Линя, уничтожена Чу Бэй Цзе и уничтожена самой Цзуй Цзюй.

Этот кровавый мир не мог вынести гордой, преданной Бай Пин Тин.

Она была прямо перед ее глазами, но на самом деле, очень далеко. Простое прикосновение могло заставить ее развеяться без следа, как дым.

Лекарство, которое она приготовила лично, теперь было разлито на полу, похожее на пятно густой черной крови. Цзуй Цзюй глядела на рыдания Пин Тин, глубоко расстроенная в своем сердце.

Она никогда не знала, что может быть такой жестокой.

Фигура Мо Жана появилась у двери.

– Хэ Ся отправил повозку и сейчас она находится у входа в резиденцию.

Это был еще один тяжелый камень, давивший на ее израненное сердце.

Пин Тин подняла руку, нащупывая стену, чтобы помочь себе медленно подняться. Она вытерла слезы, ее лицо было смертельно бледным в лунном свете. Она пробормотала:

– Знаю.

Клятвы должны быть соблюдены.

Лицо Мо Жана оставалось решительным, когда он вынул веревку из-за спины. Он бросил ее Цзуй Цзюй, чье лицо еще не просохло от слез, и проинструктировал:

– Свяжи мисс Бай. – Этот невероятный приказ был произнесен шокирующе твердым тоном.

– Мо Жан?

– Мисс Бай, это произойдет не потому, что вы не выполнили клятву, а вместо этого были вынуждены из-за того, что были похищены мной. – Руки Мо Жана крепко сжали меч на его талии. – Я обещал герцогу, что пока я существую, вы должны существовать.

Чу Бэй Цзе уже оторвался от остальных солдат более чем на пол мили.

Он пристально следил за движением луны, глубоко рвавшим его сердце. Чем выше поднималась луна, тем глубже проникал в его сердце нож, из-за которого его кровь непрерывно отливала при каждом движении.

Но руки сжимали поводья крепче и крепче. Пот залил его тяжелые доспехи, и холодный ветер не останавливаясь, резал его красивое лицо и окровавленный рот.

Луна прошла половину неба.

Уже прошла половину неба.

Он поднял голову, глядя на далекие горы на западе. Снег, который он видел там, будто

заморозил его сердце и легкие.

Жди меня, Пин Тин!

Я готов отказаться от всех благословений, которые получил в этой жизни.

Умоляю тебя, дождись меня на этот раз. Прошу чуть дольше.

Отныне я никогда не покину тебя.

Отныне даже проблемы страны и семьи не смогут разлучить нас.

Отныне обещаю, что в глазах Чу Бэй Цзе самое главное сокровище – только Бай Пин Тин.

Пин Тин, Пин Тин!

Я прошу тебя подождать меня чуть дольше.

Чу Бэй Цзе был измотан, когда приблизился к горам, его лошадь скакала так быстро, как только могла, меж густыми ветвями и тенистыми деревьями, пока его очертания не начали появляться.

За горным лесом лежала уединенная резиденция.

Скачка посылала снег разлетаться по бокам, пока он мчался вперёд.

После мрачного леса, где только лунные лучи просачивались сквозь деревья, чтобы упасть на снег, Чу Бэй Цзе уже не чувствовал иного запаха, кроме запаха гари.

Я вернулся!

Пин Тин, пожалуйста, посмотри вверх, чтобы я смог увидеть твою фигуру.

Я поменяю всю свою жизнь на два часа своего опоздания.

Выражение лица Чу Бэй Цзе не дрогнуло, его рука сжала меч на талии, когда он понукал лошадь двигаться еще быстрее.

Лошадь выстрелила как стрела из густого леса.

Уединенная резиденция, наконец, предстала перед его глазами.

Огонь заполнил небо.

Запах крови дрейфовал в ночном небе, более пугающий, чем вид настоящей крови.

Его конечности напряглись, и с этого момента его сердце перестало биться.

Жестокий холод пронзил его до костей.

С последним приливом смелости он въехал в резиденцию. Груды трупов, несколько знакомых фигур, все они были молодыми стражами.

Люди, которые тренировались с ним днем и ночью, беспокойные, но добродушные, люди, не боявшиеся смерти.

Их конечности были отрезаны, а кровь уже остыла.

На их лицах не было сожалений, а рядом с каждым стражником лежало несколько трупов вражеских солдат.

Чу Бэй Цзе ступил на пропитанную кровью землю. Он был на полях сражений в сотни раз более жестоких, чем это, но никогда не видел такого яркого цвета крови, настолько заморозившего его сердце.

Пин Тин, Пин Тин.

Где же ты?

Тихо шептал он в своем сердце, так как опасался, что громкий голос вспугнет малейшее дуновение жизни.

Краем глаза он нашел Мо Жана.

У Мо Жана повсюду были кровоточащие раны, а острая стрела вонзилась в правое плечо, пригвоздив его к земле. Труп вражеского солдата лежал на его животе.

Он все еще дышал.

– Мо Жан? Мо Жан! – Чу Бэй Цзе опустился на колени, в спешке зовя его.

Будто давно ожидая голоса Чу Бэй Цзе, Мо Жан тут же открыл глаза, которые изо всех сил пытался держать открытыми. Пока он не осознал, что это было лицо Чу Бэй Цзе, его заторможенность сменилась очевидным волнением.

– Герцог… вы, наконец, вернулись…

– Что случилось? Где Пин Тин? – Его голос был суровым: – Где Пин Тин?

Он уставился на Мо Жана, в его острых глазах теперь был робкий трепет. Казалось, что одного слова из дрожащего рта Мо Жана было достаточно, чтобы расколоть небо и землю.

– Хэ… Ся… забрал ее. – Быстро выдохнул Мо Жан, скривив лицо. Он закрыл глаза и собрал оставшиеся силы, прежде чем широко их открыть и выдохнуть: – Следуйте за ним!

Чу Бэй Цзе сразу же встал и выбежал из ворот.

Его поприветствовал Чэнь Му и их самые быстрые подчиненные, которые только что прибыли, но его ноги не остановились. Низким голосом он приказал:

– Потушите огонь. Оставьте лекаря и двести человек для ухода за раненными! Остальные, следуйте за мной!

Отдавая приказы, он вскочил на лошадь.

Лошадь, казалось, знала о всепоглощающей уверенности Чу Бэй Цзе. Он громко вздохнул, приготовился, с достоинством стоя на снегу.

Хэ Ся, Хэ Ся из Юнь Чана.

Чу Бэй Цзе устремил свой пронзительный взгляд в сторону Юнь Чана.

Пин Тин была там.

Она была на дороге, ведущей к Юнь Чану. Потребуется, по крайней мере, еще полтора дня, пока они не покинут территорию Дун Линя.

Где бы ни была Пин Тин, даже если бы ушла к краю света, это было совсем не далеко.

– Герцог! – Чэнь Му поспешно выбежал из дома, сообщив: – Нашли нескольких вражеских солдат, которые еще не погибли. Я привёл в себя солдата со званием. Он сказал, что они пришли вдоль хэндуаньского хребта, чтобы добраться сюда, и, скорее всего, вернутся тем же

путем. Их довольно много, целых восемь тысяч.

Возможно, Чу Бэй Цзе был параноиком, но он чувствовал знакомое чувство кризиса. Чу Бэй Цзе успокоил подчиненного и вернулся к своему обычному спокойствию на поле боя:

– Хэ Ся, вероятно, не догадывается, что я уже вернулся в резиденцию. Вполне вероятно, что они прибыли небольшими отрядами и вернутся тем же путем, встретившись в Юнь Чане.

Грохочущий топот лошадей приблизился, когда остальные войска, отстававшие ранее, наконец, догнали их.

Чу Бэй Цзе не ждал, пока они спешатся, прежде чем громко сказать подняв свой меч к небесам.

– Люди Дун Линя, Юнь Чан украл герцогиню Чжэнь-Бэй. У вас все еще есть силы, чтобы преследовать их?

Герцогиня Чжэнь Бэй?

Кто посмел украсть любимую женщину герцога Чжэнь-Бэя?

Повисла краткая минута молчания, а потом из толпы разразился громоподобный ответ, который мог потрясти горы.

– Да!

– У них восемь тысяч человек, а у нас всего три тысячи усталых солдат, которые провели несколько ночей без сна. – Взгляд Чу Бэй Цзе медленно скользнул по толпе молодых людей Дун Линя. Его глубокий голос эхом отдался в ушах каждого. – Если мы не сможем вернуть ее, вы можете умереть бесполезной смертью, поэтому можете выбрать, либо отправиться в погоню, либо остаться.

– Погоня! – Пронесся громовой рев в котором не было колебаний. Эха, отразившегося назад, было достаточно, чтобы встряхнуть снег с ветвей.

Чэнь Му также предложил несколько слов ободрения. Он сел на коня и подъехал к Чу Бэй Цзе. Его голос был твердым:

– Никто не чувствует страха, когда следует за герцогом. Пожалуйста, приказывайте, герцог.

Чу Бэй Цзе понизил голос.

– Выпустите всех голубей, которые у нас есть, чтобы войска Дун Линя на границе узнали об армии Юнь Чана на хэндуаньском хребте. Поскольку Хэ Ся осмелился так глубоко проникнуть на территорию Дун Линя, вполне вероятно, что у него есть гораздо больше солдат, помимо восьми тысяч, готовых к засаде на границе Юнь Чана. Предупредите, чтобы они были осторожны.

После этих приказов Чу Бэй Цзе поднял свой меч против северного ветра, направив его на небо.

– В погоню!

– В погоню! – Три тысячи или около того отполированных мечей вышли из ножен, сверкая холодным светом.

Казалось, будто грохочет гром.

Топот копыт, словно разбивающихся о землю, зазвучал еще раз.

Холодный ветер снова приветствовал раны на лице Чу Бэй Цзе, но его глаза были полны решимости.

Я пойду на край света, пока ты там, Пин Тин.

Это совсем недалеко.

Пока ты там.

http://tl.rulate.ru/book/8939/507129